

*Прошлого уже нет,
Грядущего еще нет,
Настоящее – словно мгновение ока.
Коли так, о чем волноваться?*

Из книги «Зерцало нравственности», 1716. Автор неизвестен

*Запуск в Южную Африку, 13:00:00, 1 января 150 000 000
лет до н. э.*

Портал открылся высоко в небе. Из-за небольших погрешностей в расчетах он оказался очень далеко от поверхности земли, но это было не важно.

Внизу роса блестела на зеленой траве, деревья отбрасывали тень, но все же нельзя было отделаться от странного ощущения. Ни один человек никогда не видел этой травы, деревьев или животных, мирно бродивших среди них.

Спустя много лет люди найдут окаменелости, с помощью которых попробуют понять, кто царил раньше на земном шаре. Они, в частности, попытаются восстановить облик доисторических животных, цвет и текстуру их кожи; может, у них даже получится угадать нрав этих животных по росту, форме лап или размеру зубов. Но для появления окаменелостей необходима определенная среда обитания. В одних ареалах она увековечила останки животных, в других, где состав почвы или влажность не благоприятствуют образованию окаменелостей, приговорила их к чему-то гораздо худшему, нежели просто безвестность или исчезновение. Ни одна живая душа никогда не найдет их останков – даже вообразить их не сможет.

Человек, который вывалился из небесного портала и шмякнулся в высокую траву, пожалуй, завопил бы, разглядев хорошенько морду зверя, который подошел к нему, чтобы сначала понюхать, а потом укусить.

И этот вопль был бы исполнен бесконечного ужаса, ведь подобравшееся к человеку существо не походило ни на что знакомое, вроде велоцираптора или тирекса. Тварь, что приблизилась к телу, распростертому на земле, не имела ни малейшего сходства с чем-либо известным лежащему. Движения, смрад из пасти, ленивое вращение того, что можно было бы назвать глазами, замах, с которым существо вонзило в плоть клыки, – все это парализовало бы человека страхом, осознанием того, что он исчез и находится теперь ближе к первоначальному небытию, чем к бытию, в конце которого лежит забвение.

Однако, на его счастье, он был уже мертв.

Он был уже мертв, когда вывалился из портала, открывшегося в небе, мертв на протяжении тех долгих пяти секунд, пока летел вниз.

Портал закрылся еще до того, как тело упало на землю. Существо, понюхавшее труп и укусившее его, ушло, потеряв к нему всякий интерес. Станный вкус, отдающий тухлятиной.

Время растерзает тело вместо животного, разложит его так, как ни одна живая тварь, чудовище или идеология не смогут разложить. Молекулы, из которых оно состоит, вольются в армию других безымянных молекул, составляющих мир, растворятся в их скоплении без следа. Словно дерево, упавшее среди леса, которого не видел и не слышал ни один человек, это тело, по сути, никогда не существовало.

Часть первая

То, что остается после нас

*Нынешнее время при помощи прошлого
Будет судить великий человек Юпитера.*

Пророчества Нострадамуса, центурия X, катрен LXXIII

*И когда дракон жестокий
В прошлое нору пророет,
Настоящее, грядущее сожжет он,
Если пламя его прежде не погасят.*

Псалмы монаха Микеле, псалом MMXIX

За два с половиной часа до того, как рухнуть на пол с пулей в груди, профессор Йони Бренд отправил Авигаль Ханаани свой предпоследний в жизни имейл. Несколько строк, не более того, дружелюбный тон, взвешенные слова, автоматическая подпись. Затем он с мягким щелчком закрыл ноутбук и положил рядом с собой на кровать.

В телевизоре напротив кровати джинн клялся Аладдину, что никогда не найдет другого такого друга. Профессор Йонатан Бренд, признанный авторитет в области физики, награжденный медалью Оскара Кляйна, тот, кого пять лет назад журналист еженедельника «Нью-Йоркер» назвал «самым острым и подвижным умом, какой мне доводилось встречать», сидел, скрестив ноги, на кровати. Сидел в той самой одежде, в которой вернулся недавно из университета, качал головой в такт музыке и поглощал, как позже выяснится, свой последний ужин – сухарики со вкусом барбекю, которыми он зачерпывал творожный сыр из банки.

Вообще говоря, у Бренда накопилась куча дел, которые требовалось срочно переделать. Надо было править работы студентов,

рецензировать статьи, присланные другом из важного научного журнала, разобраться с ворохом грязной одежды, ожидавшей немедленного внимания. Если совсем честно, и куда менее важных дел набралось предостаточно. Хотя бы имейл отправил, уже хорошо. Наверное, это пустяк, не более чем плод его фантазии; в последнее время он слишком много воли дает воображению, больше, чем хотелось бы. Но осторожность никогда не помешает.

Несколькими минутами ранее, на кухне, открыв холодильник, чтобы достать творожный сыр, он заметил – в очередной раз – початую бутылку вина, задержавшуюся на полке дверцы неммым свидетелем той последней встречи, сведшей всех за одним столом. Он подумал было выбросить бутылку, освободив таким образом место в холодильнике, но снова отложил это до следующего раза, закрыл дверцу и пошел в спальню, решив подарить себе еще один вечер эскапизма. Он это заслужил, в конце концов. Наверное...

Он вспоминал их последний совместный вечер. Компаниям друзей суждено распадаться, это нормально и естественно, но все равно воспоминания были так прекрасны, что причиняли боль. Раскладной стол, за которым все сидели, яркое ночное небо, зеркальная гладь озера рядом, и тишина Скалистых гор. Вид, от которого замирает сердце.

Он вспоминал Элиану, ее залитое светом лицо и горящие, как прежде, глаза, то, как она подняла бокал и сказала с мягкостью юной девушки, которой была когда-то: «За всю красоту, что есть в мире!» Он вспоминал, как Эди показал ему одобрительно выставленный вверх большой палец, сбрасывая в кои-то веки маску молчаливой отстраненности, как он улыбнулся и назвал Бренда гением. Он вспоминал Бени, его бегающий взгляд, руки, тянущиеся то к круассану, то к рогалаху^[1], которые Бени то и дело подносил к улыбающемуся рту, ни на миг не умолкая, – все болтал и болтал про очередное свидание, про биткоины, про то, как язык тела выдает мысли людей. Он вспоминал Дорона, который озабоченно ерзал на стуле, беспокоясь, у всех ли есть еда и напитки, а потом оглядывал живописные окрестности и вздыхал – то ли умиротворенно, то ли пытаясь унять тревогу. Он вспоминал Ниру: как она чокнулась с ним бокалом, подняв бровь; вспоминал ее тонкую, спокойную, всезнающую улыбку.

Ему и правда пора уже выкинуть эту бутылку.

Могли ли обстоятельства сложиться иначе, если бы он вовремя все понял, или же раскол был неизбежен? Может быть, все братства прошлого – не более чем искусственно созданная общность людей, обязанная своим появлением случаю, слепой судьбе, сведшей несколько человек в детстве или юности? Надежда вернуться в исходную точку не более чем заблуждение. Он положил в рот еще один сухарик и сосредоточенно прислушался к тому, как тот хрустит на зубах. Раньше было не проще. Не было в исходной точке ни волшебства, которое с течением времени развеялось, ни проклятия, грозящего вот-вот сбыться. Ни одна точка во времени не лучше другой, все одинаковы. Просто он этого раньше не понимал.

Йони Бренд лег, пристроив голову на спинку кровати, и закрыл глаза. Он должен завтра отвезти группу старшеклассников в луна-парк. И угораздило же его полгода назад присоединиться к этому волонтерскому проекту... Бренд почему-то думал, что через картинг сможет растолковать им три закона движения Ньютона. Ну что ж, доколе никакая внешняя сила не избавила его от глупого обязательства, он будет двигаться по инерции, пока что-нибудь не заставит его назавтра пожалеть об этом, а потом подшучивать над собой с коллегами. А может, в боулинг их сводить?

Он поднял голову и сосредоточился на экране телевизора. Спустя пять минут отправил свой последний в жизни имейл (с вопросом о правилах парковки возле университета, адресованным секретариату физфака), а потом сел, погасил экран компьютера и задумался, смотреть ли ему дальше мультфильм или взяться за рецензию на статью.

* * *

Биньямин Кроновик, по прозвищу Банкер^[2], ловил на себе восхищенные взгляды трех разных женщин и изо всех сил пытался не обращать на это внимания.

– Тут нужен особый склад характера, – сказала одна другой, разглядывая его костюм. – Не думаю, что у меня бы получилось.

– Конечно не получилось, – подтвердила другая. – Меня одна-то с ума сводит. А когда их больше трех десятков и они объелись сладостей, это просто кошмар.

– Ладно, цена вполне приемлемая, – рассудила третья, мама именинницы, – и пока он их развлекает, я только за.

– Кстати, – спросила первая, – а торт содержит глютен?

– Да, – ответила третья, не потрудившись даже посмотреть в ее сторону. – Это же торт.

Банкер, наряженный клоуном, с микрофоном возле рта, в блестящих бисеринках пота, выступивших из-под цветастого парика (приобретен в магазине «Все по пять шекелей»), пытался – не в пример собрату, который расклеился посреди представления, – заставить три с лишним десятка детишек поднимать ручки в такт музыке.

Не требовалось особой наблюдательности, чтобы уже сейчас заметить зачатки социальных ролей, которые дети взяли на себя: этот энергичный, та скромняшка, вон тот хитрюга, еще один почти не старается, другой восторженный, эта с любопытством изучает остальных, тот ждет подходящего момента, чтобы устроить хаос... Банкер (такое прозвище закрепилось за ним еще со школьных времен) любил свою работу – в основном из-за возможности знакомиться с людьми и изучать их. Дети служили всего лишь предлогом. По-настоящему интересными созданиями, вокруг которых можно выстраивать целые истории, были родители, стоявшие в сторонке, уткнувшись в телефон, жевавшие кукурузные палочки, предназначенные для детей, или пытавшиеся, иногда неуклюже, иногда с подозрительной ловкостью, завязать беседу.

Он перечислял в уме в обратном порядке то, что ему предстоит сделать до конца представления: нарезать торт и вручить подарки виновнице торжества, перед этим поставив ее на стул, чему должен предшествовать веселый танец, а перед ним – шоу мыльных пузырей, а еще раньше – викторина для именинницы, предваряемая тремя фокусами, реквизит к которым предлагает любой магазин для волшебников-любителей, а перед ними – «разогрев»: им он сейчас и занят. Порядок неважен на самом деле. Когда дети станут вспоминать праздник, мыльные пузыри перемешаются в их памяти с фокусами, а танцы и все остальное сольются в радостную сумятицу. Мозг не запоминает, мозг отфильтровывает, выбирает, что оставить, а что забыть. Он, Банкер, просто светлое пятно в детском подсознании. Ему нравилась его работа. Другим она казалась наказанием, но Банкеру

представлялась чем-то естественным: он проделывал все необходимое на автомате, как за рулем машины, когда едешь домой привычным маршрутом и можешь думать о посторонних вещах.

Умение Банкера думать о нескольких предметах одновременно было – или, по крайней мере, казалось другим – суперспособностью. Уже ребенком он мог слово в слово повторить услышанное в классе, хотя со стороны все выглядело так, будто он рассеянно глазееет по сторонам и строит план по захвату мира. Став взрослым, он развил этот талант до способности вести параллельно два диалога с двумя женщинами, сидящими на противоположных концах барной стойки, и очаровывать обеих, каждую по-своему. К тому моменту, как закончится представление с мыльными пузырями (включить электрический выдуватель над головами детей, объявив, что победит тот, кто лопнет больше всех пузырей, – кстати, победа будет общей), он уже угадает, кто из мамаш состоит в престижной женской тусовке, а кто молча завидует им со стороны; почему трое отцов не разговаривают друг с другом; кого из детей привезли на дорогой машине, припаркованной за углом, и почему мама Тали не сводит глаз с папы Яхели (планирует закрутить с ним роман или подозревает в нем педофила?).

Спустя примерно час, уже сняв костюм и смыв грим, Банкер на несколько минут притормозил у стола с угощениями, чтобы взять печенье, прежде чем ехать домой.

– Напомни мне, – обратилась к нему одна из матерей, – ты папа... Силан? Верно?

– Я очень люблю детей, – отвечал он с улыбкой, – но даже под дулом пистолета не соглашусь завести своего. Я аниматор.

– А... – протянула она и оглядела его снова сверху донизу.

Ему был знаком этот испытующий взгляд. Они всегда приходили в изумление, когда он становился самим собой, одетый в темный жакет, заросший щетиной, не замаскированной гримом, в широкополой шляпе. Удивлялись его глубокому голосу, длинным ногам и большим рукам, уже не прятавшимся под клоунским костюмом. Удивлялись высокому и таинственному мужчине, притягательному, как молодой Джефф Голдблум. Теперь он хотел показать, что может быть и таким.

Женщине хватило двух секунд, чтобы сменить тактику в диалоге.

– У тебя круто получается держать их внимание, – сказала она, подняв бровь.

– Я уважаю их и демонстрирую, что люблю с ними играть, – пожал он плечами. – Это помогает управлять происходящим. – Специально для нее он акцентировал слова «уважаю» и «люблю». Пусть теперь сама решает, что с этим делать...

– Ну, любовь – это и в самом деле вид контроля. – Она хихикнула. – По крайней мере, так думал мой бывший муж.

О'кей, подумал он, посыл понятен.

– У Адира, моего младшего, вон того рыженького, – указала она, – день рождения через пять месяцев. Может, оставишь мне свой номер? Думаю, он будет рад, если ты проведешь праздник у нас.

– Само собой. – Он улыбнулся и вытащил записную книжку из внутреннего кармана жакета. Написав свой номер телефона, он вырвал листочек и протянул ей. Никто не ищет аниматора за пять месяцев до дня рождения, ну да ладно.

– Как тебя зовут?

– Биньямин, – ответил он, заталкивая в рот еще две печеньки, – но можешь называть меня Банкер. Меня все называют Банкер.

* * *

Авигаль Ханаани сидела за библиотечной стойкой и отрешенно разглядывала молчаливые ряды книг на противоположном конце читального зала.

Она не пыталась читать. В этом не было смысла. Студент – первокурсник факультета черт-знает-чего-и-кому-какая-разница – сидел неподалеку. Рядом с ним на столе лежали три открытые книги. Он быстро что-то печатал на выдавшем виды ноутбуке, надев огромные кастомные наушники. Кроме него, в библиотеке не было ни души. Пенсионеры уже вернулись домой, чтобы приятно провести время в компании исторического-романа-ставшего-классикой-но-актуального-и-по-сей-день, взятого в библиотеке, а молодежь еще не пришла проверить, появился ли новый «Дневник слабака». Благословенную тишину полуденной дремы изредка нарушали студенты, которые приходили в дневные часы писать семинарскую работу или тихо сетовать на то, что ее надо писать. Вот и этот первокурсник жужжал что-то себе под нос.

Не было никакого смысла в попытках подремать или хотя бы почитать что-нибудь. Жужжание было циклическим и состояло максимум из восьми нот; несмотря на всю свою любовь к порядку и минимализму, Авигаль чувствовала, что сходит с ума. Какое-то время назад она подошла к мальчишке, намереваясь тихо потрепать его по плечу, но беглый взгляд на экран компьютера показал, что он пишет фанфик про Гарри Поттера. Что ж, логично. Зачем еще битый час держать открытыми на одной и той же странице историю Великой французской революции, второй том Фрейдových «Толкований сновидений» и «Физику невозможного» Каку. Очевидно, парень выбрал их наобум, собираясь строчить что-то свое. Она отказалась от идеи потрепать его по плечу, решив не мешать.

Наконец Авигаль встрепенулась, решив сделать что-то полезное, а не просто таращиться на книжные полки. Огромная стопка книг ждала кого-то, кто придет и обновит их статус в компьютере, а затем вернет на место. Никто из других библиотекарей не давал себе труда этим заниматься. Подобно избалованным детям, считающим, что комната сама приведет себя в порядок, стоит только немного подождать, коллеги Авигаль поняли: если достаточно долго игнорировать стопку книг, которая растет и растет на столе возвратов (а потом уже и под ним), в один прекрасный день – например, когда Авигаль заступит на смену – стопка исчезнет сама собой.

Ей, по правде говоря, нравилось это занятие, эта квинтэссенция сизифова труда. Что-то было в мягком пиликанье, которое издавал сканер каждый раз, когда она проносила под ним штрихкод книги; в том, как тележка с книгами опустошалась, по мере того как Авигаль бродила с ней между полками, и это доставляло удовлетворение. С каждой новой книгой, которую Авигаль возвращала на место, она захватывала очередной опорный пункт в войне против энтропии. Тот факт, что энтропия в конечном счете все равно победит, ничего не менял. Здесь и сейчас Авигаль вернула вещи на свои места. Это успокаивало и ободряло, и каждый раз, когда книга, которую она ставила на полку, со знакомым шорохом протискивалась между двумя другими томами и со знакомым толчком касалась стенки полки, был равносителен впрыскиванию благословенной микродозы дофамина.

Когда она закончила расставлять книги по местам, студента уже не было, а вот тома, которые он взял, все еще лежали на столе. Авигаль и

их вернула на место. Взглянув на часы над библиотечной стойкой, она поняла, что у нее в запасе еще есть время. Авигаль удостоверилась, что библиотека пуста, и приступила к тому, чем постоянно занималась вот уже полтора года подряд, да так, что ни одна живая душа об этом не знала, – по крайней мере, никто не жаловался. Она бесшумно (ее туфли не издавали ни звука) подошла к полке, выбранной случайным образом, и достала с нее книгу. Уверенная, что никто за ней не наблюдает, она отнесла книгу в комнату для персонала, где имелась копировальная машина, сняла двадцать копий со страницы, повествующей о черных дырах и темной энергии, а затем вернулась и поставила книгу на место. Копии страницы она сложила и всунула в случайно выбранные книги: любовные романы, в которых суровые мужчины с трудным прошлым, но чистой душой разбивали сердце любопытным, наивным, богатым наследницам; исторические эпосы, где яркие, самодостаточные феминистки боролись с превосходящими силами противника способами, не одобряемыми культурой того времени; претенциозную научную фантастику, косящую то ли под детектив с убийством, то ли под психологический триллер, а может, под экзистенциальные философские размышления родом из семидесятых; наконец, обычное чтение по психологической самопомощи, объясняющее тому, кто намерен что-то сделать правильно, что он должен, во-первых, что-то сделать, а во-вторых, сделать это правильно.

Никто никогда не жаловался, никто никогда не спрашивал шепотом другого библиотекаря, откуда в книгу, которую он взял, попала страница из работы про социологию меньшинств, или про историю британского мандата в Палестине, или про причины, которые привели к Первой мировой войне, а то и лист с забытым стихотворением Леи Гольдберг. Она забавлялась, вкладывая эти страницы – сюрпризы для смущенных читателей. Все просто думали, что так и должно быть. В книгу американского фантаста Филипа К. Дика попало стихотворение израильской поэтессы Рахели – ну что ж, попало и попало. Ничего необычного. В этом случае хаос и энтропия были тайными сообщниками, которые покрывали ее.

Она закончила, вернулась за стойку и снова стала молчаливой Авигаль, вежливой Авигаль, Авигаль, любящей порядок, контролирующей каждую мелочь. Авигаль в очках с толстыми

линзами, подобающих ее образу. С черными волосами, спускающимися, подобно склонам горной вершины, ровно до плеч. С карманами, достаточно большими для блокнота и слишком маленькими для тетрадки. С мобильным телефоном, почти всегда пребывающим в летаргии авиарежима. С потрепанной закладкой, уже лет восемь кочующей из книги в книгу и маркирующей ее читательский путь. С заранее заготовленным ответом для мальчика, который вошел в зал и в сомнениях двинулся к стойке.

Она уже знает, что он хочет спросить, и знает, что предложит ему взять домой вместо того, что он ищет.

* * *

В 22:36 той же ночью, по свидетельству одного из соседей, раздался звук выстрела. В первые минуты сосед не понимал, что именно он услышал. Мы ведь не каждый день слышим выстрелы. Его окно выходило на дом Бренда, оттуда хорошо просматривались садик и подъездная дорога. В доме профессора свет был погашен везде, кроме кабинета. Сосед напряженно вглядывался в темноту, пытаясь уловить движение, но ничего не шевелилось в окружающей тьме.

Сосед – доктор Стивен Лев-Ари, пластический хирург – не удивился, увидев свет в кабинете профессора Бренда в такой час. Не единожды ему доводилось, сидя вечером на втором этаже своего дома, наблюдать профессора за компьютером. Угол, под которым они располагались относительно друга друг – один работал за столом, второй отдыхал с книгой в большом желтом кресле после напряженного дня, – был всегда одинаков. Иногда они встречались взглядами, и тогда Бренд кивал в знак приветствия, а Лев-Ари делал легкий жест рукой, после чего каждый возвращался к своим занятиям. Но в этот раз, глядя из того же окна под тем же углом, Лев-Ари не видел Бренда за рабочим столом.

Однако что-то там все-таки было. Сосед подошел ко второму окну, пытаясь понять, что виднеется под столом в кабинете Бренда, как вдруг все понял и сразу пожалел о своем любопытстве. Это было человеческое тело, а под ним, по всей видимости, растекалась лужа крови.

* * *

Банкер решил, что ему стоит порепетировать монолог для ближайших проб. Он собрал кипу листов, убедился, что у него есть пачка сигарет и зажигалка, и поднялся на крышу.

Сидя на крыше, он болтал ногами, свешенными с парапета, и выдыхал вверх сигаретный дым. В ночном воздухе висели тяжелые испарения прибрежной равнины. Но это не мешало Банкеру. Счастье достигается не оптимизацией чувств: чем дальше от негатива, тем ближе к позитиву. Счастье требует мириться с существованием всего диапазона, впитывать его, учиться двигаться вперед, несмотря ни на что.

– «Вознесите знамена над батареями! – воззвал он в ночи. – Ибо глашатаи идут! Осада нипочем нашей твердыне, а королева, собрав все силы, снова воспрянет завтра, я едва ли помню, что такое страх». Нет, стоп!

Он посмотрел в свои листы. Что-то не то с порядком следования реплик. Ему нужно спокойно сесть и обстоятельно разобраться с этой ролью. Прослушивание уже на следующей неделе, и, учитывая плотный график, у него есть несколько часов, чтобы зазубрить текст. При всем уважении к импозантности и харизме, нельзя явиться с невыученным текстом.

Экран телефона загорелся. Звонок. Помеха. Кажется, жизнь – это череда событий, которые мешают тебе жить. Он снова затянулся сигаретой и поднял трубку, очертив ей дугу в воздухе.

– Добрый вечер, госпожа Ханаани! – произнес он. – Как дела?

* * *

Еда была готова. Запеканка с пылу с жару, паста со сливками и свежий салат, шоколадный маффин и стопка водки. Авигаль осторожно составила все это на поднос и вышла с ним на холодную лестничную клетку.

Месяц назад в квартиру напротив заехал молодой парень. Она видела его несколько раз мимоходом, то утром, то поздней ночью. Он был высокий, загорелый, постоянно носил темные футболки с напечатанными витиеватым шрифтом названиями рок- или метал-групп; еще у него имелся небольшой шрам на шее, который ее очень интриговал. Госпожа Кляйн, пожилая женщина из квартиры рядом с

ним, утверждала, что он музыкант, который «слишком сильно шумит по ночам», но Авигаль уже успела понять, кем работает новый жилец, и знала, что он не музыкант. Однажды она встретила соседа, когда он выходил из квартиры, и буквально за доли секунды успела рассмотреть нутро его жилища: постер на стене, книгу на кофейном столике, разбросанные вещи, тарелку с остатками еды, ботинок, брошенный под серый диван с обивкой, порванной сбоку. Что может рассказать о человеке такой беглый взгляд? Для Авигаль этого было достаточно, чтобы всячески избегать встреч с соседом.

Она постучала в дверь госпожи Кляйн. Та открыла ей с улыбкой.

– Ну что тебе, мейделе?^[3] Я из-за тебя совсем растолстею в конце концов.

– Я обещала приносить вам угощение раз в неделю, – сказала Авигаль. – Я не забываю обещаний.

Госпожа Кляйн протянула руку и потрепала ее по щеке, а потом забрала еду.

– Ох, ну и повезло же мне! – проговорила она. – Может, хоть на этот раз зайдешь? Ты все время на бегу.

– Нет, спасибо, – улыбнулась Авигаль. – У меня еще дела вечером, надо успеть пару вещей.

– Всё дела, дела. А жить-то когда? Мальчик хороший есть у тебя?

– Будет, госпожа Кляйн, обязательно будет.

Госпожа Кляйн вздохнула:

– Ничего-то вы не понимаете, молодежь. До самого важного умом доходишь слишком поздно.

– Буду рада, если объясните как-нибудь, – отозвалась Авигаль. – Приглашаю вас заглянуть на кофе...

– Да брось! Неблагодарное это дело – учить кого-то жизни. Пока время не придет, все как об стенку горох, а когда придет, то и сама поймешь, – снова вздохнула госпожа Кляйн, немного нарочито. – Сейчас время отдыхать, не дела делать. Ну ладно. Я тебе свой фирменный пирог испеку в пятницу. Обещай, что съешь его!

– С удовольствием, договорились! – кивнула Авигаль.

Госпожа Кляйн осторожно, чтобы не уронить, взяла поднос с едой и закрыла дверь, а Авигаль вернулась к себе и тоже затворилась от холода в теплой квартире. Два метких броска отправили ботинки в угол маленькой гостиной; посредством нескольких плавных движений

остальная одежда среднестатистической библиотекарши улетела вслед за ними, и Авигаль растянулась на диване в сером уютном спортивном костюме, который ждал ее с самого утра.

Она положила в миску остатки пасты из кастрюли, щедро (даже слишком) полила кетчупом, взяла большую ложку и расположилась в гостиной с ноутбуком, чтобы просмотреть имейлы, пришедшие на адрес частного детективного агентства «Лорами». Имейл был только один, от профессора Йони Бренда.

* * *

Спустя шестнадцать минут после того, как сосед профессора Йони Бренда оторвался от чтения книги и задумался, был ли похож на выстрел звук, который он слышал, Авигаль Ханаани позвонила Банкеру, чтобы удостовериться, что он ничего не забыл.

– Добрый вечер, госпожа Ханаани! Как дела? – послышался хрипловатый голос Банкера.

Каждый раз, когда он начинал говорить, Авигаль почему-то думала, что это она хрипит, и невольно прокашливалась вместо него.

– Он попросил о встрече завтра, – сообщила Авигаль.

– Кто?

– Тот физик. Помнишь, я с тобой говорила позавчера про физика, который хотел с нами проконсультироваться?

Банкер спешно затянулся сигаретой:

– Напомни-ка!

– Нечего особо напоминать, – вздохнула она. – Физик из Тель-Авивского университета написал в агентство и попросил консультации. Я пробовала прощупать почву, понять, о чем речь, но он сказал только, что дело конфиденциальное и он не может раскрыть детали по почте, поэтому лучше встретиться лично.

– О'кей, – произнес Банкер, – тогда назначим встречу.

– Ты завтра свободен?

– Для агентства я всегда свободен, Ханаани, ты же знаешь. Нет ничего лучше хорошей головоломки.

– Как скажешь. Я отправлю тебе подробности. Запросим обычную цену.

– «Труды и преданность вознаграждают самих себя»^[4], – изрек Банкер.

На несколько секунд установилась тишина. Банкер закусил губу в молчании. Неужели сдержится?

– Тоже мне Макбет, – проговорила она наконец. – Не опаздывай!

* * *

– Ты опоздал, – упрекнула Авигаль.

Банкер сел рядом с ней в машину с тихим вздохом.

– Ты каждый раз сдвигаешь сиденье вперед, чтобы свести меня с ума?

– У тебя, видимо, ноги продолжают расти.

Машина тронулась с места при общем молчании. Банкер, державший в руке одноразовый стаканчик с кофе, пытался одновременно пристегнуться и отхлебнуть из него. Наконец, управившись с этим, он посмотрел на Авигаль:

– Так как дела, госпожа Ханаани? Какую тайну мы сегодня разгадаем?

– Я тебе все отправила по почте. Это просто консультация, ты разве не прочитал?

– С каких пор я езжу на консультации? Мне казалось, детектив моего полета должен заниматься только кражами легендарных бриллиантов и неразрешимыми тайнами.

– Скорее уж подозрениями в измене и попытками обмануть страховую, – заметила Авигаль. – Сожалею, что нам не представилось случая в полной мере задействовать твой острый, как лезвие ножа, интеллект.

– Так о чем будет консультация?

– Не совсем ясно. Он просто попросил нас приехать и обсудить некое «подозрение относительно опасности со стороны одной влиятельной силы», но больше ничего не уточнил.

– И мы просто к нему едем?

– Мы не в том положении, чтобы отказываться от работы, даже если он всего-навсего желает удостовериться, что никто не тискает его кота.

– А у него есть кот?

– Не знаю.

Банкер отхлебнул кофе, задумавшись.

– Что это вообще за мужик? – спросил он.

- Ты правда не читаешь того, что я тебе присылаю?
- Устные объяснения даются тебе гораздо лучше, да и мне так проще усвоить информацию.
- Его зовут Йонатан Бренд, – сообщила Авигаль, – профессор физики из Тель-Авивского университета, один из самых именитых, по всей видимости.
- В чем выражается его именитость, можно поинтересоваться?
- Ты хотел сказать – именитость.
- О’кей, в чем выражается его именитость?
- Так-с... Вот что я помню из сообщаемого на сайте университета: окончил бакалавриат в Гарварде и аспирантуру в Беркли, получил степень уже в двадцать пять лет. Ведет исследования в области элементарных частиц. Писал статьи, которые – по крайней мере, на университетском сайте – называют «прорывными» в области магнетизма, теории квантовых полей и общей теорией относительности. Начинал как лектор в Иешива-университете, а сегодня работает в Тель-Авивском университете и занимается исследованиями в Принстоне. Получил медаль Оскара Кляйна и медаль Макса Планка.
- Ты просто зазубрила информацию с университетского сайта, и все?
- В интернете ее не намного больше. Он не писал книг – только академические статьи, содержание которых я вряд ли смогу понять, и на сайте университета даже нет его фотографии.
- Нет фотографии обладателя медали Макса Планка?
- Нет.
- То есть мы даже не знаем, как он выглядит?
- Он высокий, у него каштановые волосы, нос чуть больше среднего и светло-голубые глаза.
- И откуда ты это знаешь?
- Из снимков, сделанных на церемониях награждения. А еще публикация о нем вышла буквально сегодня, – сказала Авигаль, – и в ней тоже есть фотографии.
- Какое удачное совпадение! – оценил Банкер. – И где можно ознакомиться с этой публикацией?
- Ты на ней сидишь, я положила журнал на сиденье.

Банкер вытащил из-под себя журнал, допил кофе двумя большими глотками, поставил стакан между сиденьями и прочитал название:

– «Человек, который хочет проткнуть иглой воздушный шарик времени»? Это что еще такое?

– Ах да, – спохватилась Авигаль, – он еще пытается изобрести машину времени.

Банкер устался в стекло перед собой:

– Твоя система расстановки приоритетов не устает меня поражать.

– Ты же сам всегда говоришь, что смысл важнее порядка следования, разве нет?

– Так он изобрел машину времени?

– Пытается изобрести, если верить статье.

– То есть ищет финансирование.

– Думаешь?

– А ты видишь иную причину, по которой физик с мировым именем, малоизвестный широкой общественности, согласится на статью в журнале под названием... – Он перелистал страницы в поисках нужного места. – «Здоровый дух»? О боже, при чем тут это?

– В конце он рекомендует читателям пять продуктов, способствующих ясному мышлению, или что-то в этом роде, – просветила Авигаль.

– Ну тогда все ясно.

– Может, все-таки прочитаешь?

– Не могу читать во время движения. Меня укачивает, Авигаль.

– Я бы почитала тебе вслух, но немного занята, машину веду. Может быть, все-таки попробуешь?

Банкер вздохнул.

– Очень трудно быть тобой, я знаю, – посочувствовала Авигаль.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ХОЧЕТ ПРОТКНУТЬ ИГОЛКОЙ ВОЗДУШНЫЙ ШАРИК ВРЕМЕНИ

Благодаря художественной литературе и популярным научно-фантастическим фильмам идея о том, что можно двигаться вперед и назад во времени, уже долгие годы будоражит умы людей. Мы мечтаем вернуться в прошлое и подправить его задним числом или просто заново пережить важные моменты нашей жизни и человеческой истории; мы не отказались бы заглянуть в будущее,

чтобы повлиять на судьбоносные решения. Но может ли такая милая фантазия, оказаться реальностью современной науки?

«У меня нет сомнений, что это возможно, – говорит профессор Йони Бренд, физик с мировым именем из Тель-Авивского университета. – Теоретическая база уже готова. Все, что нам нужно теперь, – это ресурсы».

Профессор Бренд – один из самых маститых преподавателей и исследователей в мире. Его лекции в Тель-Авивском университете захватывают и увлекают студентов, а расписание сплошь состоит из поездок на конференции и встреч по всему миру. Вместе с тем в последние пять лет, по его утверждению, он старался «залечь на дно» и посвятить бóльшую часть времени и усилий тому, что называет делом всей своей жизни, – созданию самой настоящей машины времени.

Бренд пользуется безупречной репутацией в мировых академических кругах, он уже удостоился нескольких мировых наград, но, несмотря на это, многие коллеги с изумлением и скепсисом относятся к его идеям, считая, что вероятность успеха очень низка, можно сказать, стремится к нулю. Бренд не позволяет сомнениям сбить себя с пути. Этот человек, опубликовавший десятки статей и считающийся одним из величайших мировых авторитетов в области квантовой физики и электромагнетизма, с уверенностью утверждает, что возможность открыть портал в другое время действительно существует, хотя ученый и делает при этом несколько важных оговорок.

Так как же можно создать машину времени?

«Есть несколько способов. Большинство сугубо теоретические, но некоторые вполне осуществимы. Начнем с того, что все мы постоянно движемся во времени, не прикладывая к этому никаких усилий. Мы движемся вперед в заданном темпе и направлении, однако нам также известно, что мы можем менять темп движения, корректируя собственную скорость. Чем она ближе к скорости света, тем медленнее для нас течет время. Общеизвестный факт: если мы полетим в космос на корабле со скоростью, близкой к скорости света, то по возвращении на Землю увидим, что тут прошло гораздо больше времени, чем на нашем шаттле.

Также на течение времени может повлиять близость черной дыры. На сегодняшний день уже известно, что, пройдя определенным маршрутом в пространстве между двумя черными дырами, которые все еще не столкнулись, из-за сильного искажения мы закончим свое путешествие во временной точке, предшествующей моменту старта. Но когда мы говорим о пространственно-временных перемещениях, то главным образом имеем в виду не это, а скачки. Чтобы совершить скачок во времени, нам нужно „проткнуть“ пространство—время, а не просто исказить его. И это тоже возможно».

Если мы вернемся назад, сможем ли изменить историю? Как быть с парадоксами?

«Физика хранит нас. Невозможно создать парадоксы. Я не советую никому даже пытаться. Нужно учиться у прошлого, а не менять его».

Но есть пара вещей, которые мы бы все же хотели изменить в прошлом.

«Конечно. Но каждое действие имеет свои последствия. Решение примириться с прошлым – тоже последствие, и оно лучше последствий, которые повлечет за собой попытка его изменить».

– Ну, теперь более-менее понятно, зачем ему понадобилась консультация, – сказал Банкер. – Он подозревает, что кто-то украдет его идею.

– И поэтому из всех возможных детективных агентств он выбрал «Лорами», не самое известное и не имеющее абсолютно никакого опыта в защите патентов? – усомнилась Авигаль.

– Чуть больше уважения к себе! У нас есть парочка солидных достижений. Про нас писали раз или два, хотя и умудрились перевернуть твоё имя. Может, он просто хочет, чтобы мы немного пошпионили за тем, кого он подозревает, и добыли доказательства, с которыми можно пойти в полицию.

Необходимость справиться с прошлым – или изменить его? – возможно, послужила причиной, подвигшей профессора Бренда встать на избранную им стезю. В фильмах герои часто хотят изменить историю, уничтожить Гитлера или купировать